

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

«ЗЕЛЕНЫЙ ВУЛКАН» В ДЕЙСТВИИ

(ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИРЛАНДИИ, 1922—1923 гг.)

Л. С. Крылов

1. На карте — независимость

Известный ирландский писатель-коммунист Джим Фелан называл свою родину «зеленым вулканом». Это образное сравнение как нельзя лучше подходит для Ирландии — щедро покрытого зеленью острова, где сотни лет клокочет огненная лава народного гнева против британских колонизаторов, железом и кровью утверждавших здесь свое господство. Эта лава народного возмущения время от времени вырывалась на поверхность и широко разливалась, угрожая власти англичан в лице их наместника в Дублинском замке. Славные эпизоды народных восстаний бережно хранятся в памяти ирландцев. К тому же многие события современности своими корнями уходят в прошлое, так что в этой стране история особенно тесно переплетается с сегодняшним днем. Свидетельство тому — недавние волнения в Ольстере (Северная Ирландия), включенном Англией в состав своего королевства.

Опыту ирландской революции присуще не только местное, но и международное значение. Одной из наиболее тяжелых страниц в ирландской истории был национальный кризис, разразившийся вскоре после того, как в 1921 г. Ирландия добилась частичной политической независимости. Этот кризис вылился в гражданскую войну, ставшую подлинно народной трагедией, последствия которой не изжиты до сих пор. Налицо живой пример преступной политики английских колонизаторов в отношении поработанных ими народов, политики «разделяй и властвуй»: «Уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай левой рукой и отними правой»¹. Такие уроки истории надо помнить и ныне, когда народы ведут упорную борьбу против империализма и неокOLONIALИЗМА, за революционное преобразование мира.

Ирландия долго и упорно сражается за свою независимость. А в течение семи лет (1916--1923 гг.) название этой первой по времени ее завоевания британской колонии вообще не сходило со страниц мировой печати. Дублинское «пасхальное восстание» 1916 г. всколыхнуло всю страну. Ирландский народ был полон решимости сбросить ненавистное иго британского империализма. Но силы были слишком неравны. Английская артиллерия превратила в развалины центр Дублина; город наводнили карательные войска, по численности и вооружению во много раз превосходившие повстанцев. После недели кровопролитных боев восстание оказалось подавленным. А еще через несколько дней были расстреляны 15 руководителей восстания, в их числе выдающийся ирландский марксист Джеймс Конноли и пламенный республиканец Падрайг Пирс. Однако надежды английского правительства с помощью террора раз и навсегда покончить с «ирландским вопросом» оказались несбыточными. «Когда сэр Джон Максвелл (главнокомандующий английскими войсками, подавивший восстание в Дублине.— Л. К.) расстрелял правительство Ирландской республики, он сделал невозможным сохранение английского господства в Ирландии»²,— писал один из современников этих событий.

Революционизирующее воздействие Великой Октябрьской социалистической революции, мощное революционное движение в колониях и полуколониях поставили бри-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 62.

² Цит. по: Mc G a c k e n. Representative Government in Ireland. L. 1958, p. 13.

танский империализм на грань кризиса. А первый удар по могущественной колониальной империи был нанесен не на далекой ее периферии — в Азии или Африке, а в самом сердце — в Ирландии. Через три года после «Красной пасхи»³ в Ирландии развернулась национально-освободительная, антиимпериалистическая война против английских властей и оккупационной армии. Борьба против колонизаторов принимала самые различные формы. И если в 1919 — начале 1920 г. лондонские газеты пестрели заголовками «Беспорядки в Ирландии» или «Брожение в Ирландии», то ближе к лету появились уже другие: «Революционное движение в Ирландии». К осени же 1920 г. преобладающим стал заголовок «Репрессии в Ирландии», а затем — «Война в Ирландии». «Проблемы, которые стоят на карте в связи с ирландскими делами, — отмечала тогда газета «Times», — огромны. Речь идет не только о будущем наших островов, но и об устойчивости всей Британской империи»⁴.

В январе 1919 г. революционные силы провозгласили независимость Ирландии, были созданы местное самоуправление, Национальный парламент (Доил), республиканское правительство, революционная Ирландская республиканская армия (ИРА). Даже британская пресса вынуждена была отметить успехи новой власти. Так, в специальном выпуске, посвященном Ирландии, либеральный журнал «Nation» писал 31 июля 1920 г., что англичанам следует признать факт существования Ирландской республики⁵. Нападения ИРА на английские военные патрули, склады, казармы и полицейские участки стали обычным явлением. Ирландский писатель Шон О'Кейси устами одного из персонажей трагедии «Тень стрелка», действие которой происходит в Ирландии в период англо-ирландской войны, так говорит об этом суровом времени: «Ирландцы с ума походили. Вместо того, чтобы перебирать четки, они перебирают пули; их богородица и отче наш... разрывные бомбы и треск пулеметов; бензин — их святая вода; их обедня — горящие дома; их «Со святыми упокой» — «Солдатская песня», а символ веры — «Верую во всемогущую пушку, сотворившую небо и землю», — и все это «Во славу господина и в честь Ирландии»⁶. Не удалось сломить сопротивление ирландцев и специальным карательным отрядам — «Вспомогательным» и «Чернопегим», превратившим «Изумрудный остров» в зону беспощадного террора. К весне 1921 г. перед английским премьер-министром Д. Ллойд Джорджем и членами его коалиционного кабинета во весь рост встала перспектива военного и дипломатического краха «ирландской политики». Нужно было срочно пересмотреть эту политику, за что взялась многоопытная английская дипломатия.

В июле 1921 г. Ллойд Джордж предложил ирландским руководителям заключить перемирие и начать переговоры. Предложение было принято, и 11 июля соглашение о перемирии вступило в силу. Делая этот шаг, английское правительство тем самым признавало Ирландскую республику де-факто и вступало в контакт с ее представителями как с равноправной стороной. По оценке У. Черчилля, бывшего в то время министром колоний в коалиционном кабинете, этот акт явился для Британской империи событием, «которое могло потрясти до основания государственный авторитет»⁷. «Теперешние победители в первой империалистической войне, — писал В. И. Ленин, — не в силах победить маленькой, ничтожно маленькой Ирландии»⁸.

Английское правительство отнюдь не отказалось от намерения сохранить свое господство в Ирландии. Оно лишь меняло тактику, рассчитывая больше преуспеть за столом переговоров, чем это удалось на поле боя. Британская дипломатия тщательно взвесила сильные и слабые стороны ирландских повстанцев и сумела внести раскол в их ряды. Первым шагом к новому «покорению» Ирландии было принятие летом 1920 г. закона об образовании сепаратного парламента в Ольстере в целях разделения страны на две неравные части без какого-либо географического или этнического обоснования. Главным предлогом для подобного акта служил религиозный мо-

³ См. А. Д. Колпаков. «Красная пасха». «Вопросы истории», 1966, № 4.

⁴ «Times», 7.V.1920.

⁵ Цит. по: «Вестник НКВД», 1920, № 6 — 7.

⁶ Ш. О'Кейси. Тень стрелка. М. 1956, стр. 38 — 39.

⁷ У. Черчилль. Мировой кризис. М.-Л. 1932, стр. 196.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 174.

тив. Чтобы надежнее закрепиться в Ирландии, английские колонизаторы огнем и мечом изгоняли отсюда коренное население — ирландцев и заселяли эти земли колонистами — англичанами и шотландцами, которые в большинстве своем были протестантами. Оставшиеся в этом районе ирландцы являлись в основном католиками и составляли меньшинство. Протестантские слои населения Ольстера всегда представляли собой опору крайней реакции. Политика религиозной нетерпимости в отношении католического меньшинства стала мощным орудием в руках правящих кругов Англии.

Политическая возня вокруг так называемого «независимого» ольстерского парламента сопровождалась разгулом завербованных на английские деньги черносотенцев (оранжистов — членов «Оранжевого ордена», именуемого так в честь Вильгельма III Оранского, разбившего в XVII в. католическую армию в Ирландии), устраивавших кровавые погромы в районах с католическим населением. Английские войска безучастно наблюдали за этими бесчинствами, но стоило кому-нибудь попытаться оказать сильнымикам сопротивление, как англичане немедленно вмешивались, наводя «порядок». Когда вопрос о положении в столице Ольстера Белфасте обсуждался в английском парламенте и свидетель рассказывал о том, как погромщики загоняли католиков в канал, не давая им выбраться оттуда, один из членов коалиции крикнул: «Лучшее для них место!»⁹.

Приступая к переговорам с ирландскими представителями, английское правительство было уверено в прочности своего положения в Ольстере. Это являлось для него важным козырем. Переговоры начались в Лондоне 12 июля 1921 г. и длились до конца месяца. Делегацию Ирландской республики возглавлял президент Эймон Де Валера, единственный из командиров «Красной пасхи», оставшийся в живых после поражения восстания. Де Валера называют и сейчас «ирландцем № 1», хотя его внешность — длинный с горбинкой нос, резко очерченный рот, впады щеки и густые, короткие брови — несколько необычна для ирландца. Родился он в Нью-Йорке, в семье испанского эмигранта, его мать была ирландкой. Незаурядный дипломат и опытный военный, отлично понимавший специфику вооруженной борьбы в ирландских условиях, Де Валера на посту президента удачно сочетал в своих руках военное и политическое руководство антиимпериалистическим движением. Кроме того, он был руководителем крупнейшей политической партии Ирландии «Шин-фейн» («Мы сами»). Эта политическая партия, созданная в 1905 г. Артуром Гриффитсом, отражала интересы развивающейся национальной буржуазии Ирландии. В 1917 г. была образована коалиция политических партий, выступавших за независимость Ирландии, куда вошла и партия Гриффитса. Коалиция также приняла название «Шин-фейн». Представители этой партии заняли все места в первом ирландском Дойле. Это была националистическая мелкобуржуазная партия, объединившая в своих рядах торговцев, фермеров и представителей радикально настроенной буржуазной интеллигенции — учителей, журналистов, служащих. Национальные интересы страны связывались теперь с этими социальными слоями. Руководство антиимпериалистической борьбой перешло в руки национальной буржуазии, лозунги которой — отделение от Англии и создание независимой ирландской экономики — на определенном этапе отражали объективные интересы страны и поддерживались основной массой населения.

Выезжая на переговоры в Лондон, Де Валера поставил перед собой задачу достигнуть мирного соглашения с Англией и, насколько возможно, сохранить завоеванную в борьбе независимость. Усилия английского кабинета, напротив, сводились к тому, чтобы навязать Ирландии статус британского доминиона. Это означало признание английского короля главой Ирландии и сохранение на территории страны английских военно-морских баз для «защиты» ирландского побережья. Кроме того, статус доминиона оформлял раздел страны, ибо Ольстеру предоставлялось право выхода из него. Ознакомившись с английскими предложениями, Де Валера решительно отклонил их. Ллойд Джордж настаивал, шантажировал, угрожал, но все его попытки разбились о непреклонную волю ирландского лидера. «Вести переговоры с Де Валера — все равно, что пытаться подцепить ртуть вилкой»¹⁰, — признался английский премьер. Переговоры зашли в тупик, и ирландская делегация покинула Лондон.

⁹ См. «Вестник НКВД», 1920, № 6—7.

¹⁰ Lord Beaverbrook. The Decline and Fall of Lloyd George. L. 1963, p. 85.

Новая встреча английских и ирландских представителей состоялась лишь через несколько месяцев. Ирландскую делегацию возглавлял теперь вице-президент Артур Гриффитс. Сам Де Валера решил не участвовать в переговорах. Здесь, видимо, сыграла роль его боязнь потерять свой престиж как политика: было ясно, что борьба предстоит тяжелая, а в успехе Де Валера не был уверен. Понимая, что Лондон не согласится на признание Ирландской республики, Де Валера старался выработать компромиссные условия, при которых определенные уступки не сводили бы на нет основные ирландские требования. Он дал понять Гриффитсу, что на республику не рассчитывает, но, посылая делегацию в Лондон, считает необходимым добиться главного: не допустить раздела Ирландии и обеспечить независимость страны в вопросах внутренней политики. Кроме того, вице-президенту были даны указания не подписывать договор без одобрения Дойла. Когда в октябре начался новый тур переговоров, обработкой ирландской делегации, помимо Ллойд Джорджа, занялись также знатоки софистики и политического жонглерства, как Бонар Лоу, Уинстон Черчилль, лорд Биркенхед, Остин Чемберлен. Они обратили особое внимание на руководителя делегации Гриффитса и его заместителя, министра финансов и шефа разведки ИРА Майкла Коллинза. Английский кабинет был осведомлен о том, что Де Валера и эти ирландские деятели по-разному относятся к британским предложениям. И на самом деле, Гриффитс и Коллинз очень хотели найти общий язык с англичанами.

Имя дублинского журналиста Гриффитса, невысокую плотную фигуру которого в длинном сюртуке и неизменном черном цилиндре часто видели на собраниях «Шинфейна», ассоциировалось в Ирландии с консервативными силами внутри этой партии. Ненависть к английскому владычеству в Ирландии сочеталась у него с непримиримой враждой к рабочему и социалистическому движению. Известия об участвовавших случаях классовых выступлений рабочих и мелких фермеров, направленных не только против английских властей, но и против своих «национальных» предпринимателей и крупных скотоводов — рэнчеров, пугали его почти так же, как и налеты «Чернопегих». А в 1921 г. брожение охватило и республиканскую армию, черпавшую свои резервы в народных низах. Гриффитс опасался, что многие республиканские солдаты после окончания войны с англичанами могут повернуть оружие против своих классовых угнетателей. По его мнению, под угрозой оказались самые устои буржуазного правопорядка, и поэтому необходимо было во что бы то ни стало остановить «анархию».

Часть ирландской национальной буржуазии к тому времени готова была во имя своих классовых интересов примириться со статусом английского доминиона и поскорее кончить войну с английским противником. Выразителем интересов этих кругов и выступал Гриффитс, названный одним из его современников «апостолом ирландского капитализма»¹¹.

Политические идеи Гриффитса разделял и Коллинз, высокого роста атлет, хорошо известный в Англии как организатор диверсий и убийств агентов английской секретной службы. За его голову была объявлена награда в 5 тыс. фунтов стерлингов. Газеты называли Коллинза не иначе, как «таинственной личностью» или «романтическим героем». Все это убедило бывшего лондонского клерка в том, что на политическом поприще он сможет сделать великолепную карьеру. Судьба Ирландской республики оказалась в руках ее собственных могильщиков. Гриффитс и Коллинз во время переговоров отказались от защиты принципов ирландской независимости и старались добиться у англичан в рамках статуса нового доминиона лишь отдельных уступок, главным образом в экономической сфере.

2. Новый доминион

6 декабря 1921 г. стороны подписали договор, получивший название «Статья соглашения между Англией и Ирландией». В составе Британской империи появился новый доминион — Ирландское Свободное Государство. Права доминиона были сильно урезаны. Английский король признавался главой этого государства, а представитель короны становился генерал-губернатором. Ирландские парламентарии обязаны были

¹¹ Цит. по: А. Д. Колпак о в. Ирландия — остров мятежный. М. 1965, стр. 20.

приносить присягу королю. Власть дублинского Дойла не распространялась на территорию Ольстера, которая, таким образом, отторгалась от остальной части страны. Ирландия получила фискальную автономию, но должна была ежегодно выплачивать значительную сумму в счет платежей за землю, некогда переданную английским правительством ее законным владельцам — ирландским арендаторам. Кроме того, в Ирландии на неопределенное время сохранялись английские военно-морские базы¹².

И все же, несмотря на его явно ограничительный характер, договор 1921 г. был, несомненно, крупной исторической вехой в борьбе ирландского народа за независимость. С безраздельным господством английских колонизаторов на «Изумрудном острове» было покончено раз и навсегда. Однако далеко не все в Ирландии радовались этому договору. Республика не была официально провозглашена, страну разделили, на ее территории оставались английские военные базы. Договор не принес Ирландии и желанного мира. Напротив, он сразу же стал поводом для острого политического конфликта внутри страны. Президент Де Валера и часть членов Дойла резко осудили принятое соглашение. Подписав его, Гриффитс и Коллинз грубо нарушили инструкции президента и поставили народ Ирландии перед свершившимся фактом. На этом основании Де Валера потребовал вывести их из состава правительства и объявить договор недействительным. Но у Гриффитса и Коллинза нашлось много сторонников, их поддержала, в частности, буржуазная пресса, на все лады превозносившая договор. Католические священники выступали с горячими проповедями в пользу «Статей соглашения»: «Не ошибитесь, верующие! Отклонение договора означает истребительную войну, которую Ирландии не суждено пережить!»¹³. Дублинские обыватели — мелкие торговцы, чиновники, лавочники, испуганные революционной войной, благословляли соглашение, видя в нем спасительное средство от буре и потрясений.

Когда в Дойле начались дебаты по поводу договора, стало ясно, что от былого единства «Шин-фейна» не осталось и следа. Дойл раскололся на сторонников и противников соглашения с Англией. Бывшие республиканцы Коллинз, Кевин О'Хиггинс, Роберт Бартон, Ричард Мулкахи и другие один за другим поднимались на трибуну, чтобы защищать «Статьи соглашения». «Ирландия не может больше воевать», «ИРА не способна к сопротивлению», «Договор — наше единственное спасение», — повторяли они. Резкую отповедь сторонникам договора дал военный министр республики Кэтал Бругга — человек, беспредельно преданный республиканской идее. Историк называет его «прирожденным бойцом без единой фальшивой ноты, мечом, который можно сломать, но не согнуть»¹⁴. Бругга заявил: «Дух сопротивления передался нам через века борьбы, и вы, кто поддерживаете договор, знайте, что скорее падет английское правительство и исчезнет Британская империя, чем исчезнет этот дух»¹⁵.

На реакционную сущность Ирландского Свободного Государства, послушного инструмента в руках эксплуататоров — владельцев собственности и капиталистов», обратила внимание в своей речи соратник Джеймса Конноли, министр труда в республиканском правительстве Констанция Маркевич. Вскрыв классовую сущность соглашения как орудия борьбы с ирландской революцией, она заявила, что Ирландия должна быть не английским доминионом, а рабочей республикой, о которой мечтал Джеймс Конноли, и подписать с Англией подлинно равноправный договор, закрепляющий право народа самому решать свою судьбу¹⁶.

Эймон Де Валера, этот мастер политического компромисса, несмотря на все усилия, так и не смог примирить сторонников и противников договора. Видя, что предотвратить раскол «Шин-фейна» не удастся, он заявил Дойлу о своей отставке. 11 января 1922 г. Дойл большинством в семь голосов (64 против 57) ратифицировал «Статьи соглашения» и принял отставку Де Валера. В тот же день сторонники договора сформировали Временное правительство доминиона во главе с Майклом Коллинзом. Президентом стал Артур Гриффитс. В новый кабинет вошли представители правого крыла «Шин-фейна» — Вильям Косгрейв, Гэвэн Даффи, Кевин О'Хиггинс, Ричард Мулкахи. Английские власти были довольны.

¹² D. Mc Ardle. The Irish Republic. L. 1937, pp. 990—995.

¹³ Ibid., p. 617.

¹⁴ P. Colm. Arthur Griffiths. Dublin. 1959, p. 130.

¹⁵ D. Mc Ardle. Op. cit., p. 665.

¹⁶ «Prison Letters of Countess Markiewicz». L. 1934, p. 101.

Раскол «Шин-фейна» явился лишь внешним проявлением глубоких социальных противоречий, разделявших ирландское общество на последнем этапе национальной революции. Попытка определенных кругов ирландской буржуазии укрепить свои позиции с помощью договора и культивировать выгодные для них экономические связи с британскими монополиями встретила решительный отпор со стороны рабочих, революционно-демократической интеллигенции, мелкого и части среднего фермерства, а также со стороны мелких предпринимателей, связывавших со свободной республикой надежды на ликвидацию финансовой зависимости от английских банков, уничтожение земельных платежей и подъем национальной экономики. Во имя этой цели они подняли меч в национальной войне и теперь не хотели, не добившись успеха, вкладывать его в ножны.

Небольшая группа коммунистов, издававшая газету «Worker's Republic» и выступавшая в ней с лозунгами борьбы за государство Советов, Рабочую республику, в то же время писала: «Поскольку Ирландская республика является целью значительной части рабочих масс, еще не вполне осознавших разницу между Рабочей и Ирландской республикой, мы будем активно участвовать в этой борьбе. Мы, как и массы рабочих, абсолютно правых в этом отношении, предпочитаем Ирландскую республику английскому империализму. Создать Ирландскую республику — значит помочь в разгроме одного из аванпостов Британской империи и открыть путь к разрушению величайшей и наиболее ненавистой из всех когда-либо существовавших тираний»¹⁷.

Перед угрозой наступления реакции все ирландские патриоты начали объединять силы, чтобы довести до конца борьбу за свободу родины. Как только стало известно об отставке Де Валера, к нему явилась делегация высших офицеров ИРА. В их числе были Катал Бругга, генерал-квартирмейстер ИРА Лайм Меллоуз и начальник технической службы Рори О'Коннор. Они предложили Де Валера силами верных республике частей республиканской армии одним ударом уничтожить режим доминиона. Но Де Валера не согласился с этим предложением и высказался за конституционную оппозицию. Недооценив опасность со стороны реакционного Временного правительства или сознательно пренебрегши ею, он заявил офицерам, что армия должна подчиняться приказам нового министра обороны Ричарда Мулкахи. Делегация осталась недовольна результатом своего визита и твердо решила, игнорируя Временное правительство, отстаивать независимость революционной армии.

11 января офицеры ИРА, выступавшие против договора, образовали Военный совет во главе с Рори О'Коннором. Они требовали немедленно свергнуть Временное правительство, расторгнуть позорные «Статьи соглашения» и бороться за полную победу республики. В конце марта по приглашению Военного совета ИРА в Дублин съехались 211 делегатов от двухсот бригад Ирландской республиканской армии. Этот собравшийся вопреки запрету Временного правительства армейский конвент установил, что 80% солдат ИРА — сторонники республики. Поэтому он сумел принять решение о защите республики всеми средствами и призвал не подчиняться новым властям. Избранный конвентом Исполком из 16 офицеров ИРА объявил себя врагом «четырех ирландских правительств»: ратифицировавшего договор Дойла, Временного правительства, местной английской администрации и правительства Ольстера.

Тем временем правительство доминиона с помощью англичан готовилось к расправе с республиканцами. В дополнение к оставшимся верными ему дивизиям ИРА оно начало лихорадочную вербовку наемников в свою «армию порядка». В марте в Дублине было объявлено, что добровольцы могут записаться в отряды так называемой Гражданской гвардии, где они в отличие от солдат ИРА, проливавших кровь безвозмездно, будут получать приличное жалованье. Резервов для формирования правительственной армии было достаточно. В начале 1922 г. в Ирландии насчитывалось 130 тыс. безработных. Люди, доведенные до отчаяния голодом и нуждой, вступали в Гражданскую гвардию. Кроме того, туда шли демобилизованные солдаты английской армии — опытные, обстрелянные бойцы, а также оставшиеся не у дел ирландские полицейские. Деньги и оружие для формирования этих частей предоставляли англичане.

Английские власти передали в распоряжение правительства доминиона все государственные учреждения. В оставленных английскими войсками казармах Беггарс Буш

¹⁷ «Worker's Republic», 10.XII.1921.

в Дублине расположился штаб армии Временного правительства. Значительный английский гарнизон дислоцировался в Феникс-парке и на северной окраине города. В Ольстере британский империализм также продолжал укреплять свои позиции. Весной 1922 г. в Белфаст прибыл бывший начальник генерального штаба британской армии фельдмаршал Генри Вильсон. Биограф Вильсона писал, что отставной фельдмаршал с раннего возраста твердо усвоил «две профессии — лендлорда и сторожевого пса Британии»¹⁸. «Строитель империи», участник многих колониальных экспедиций, Вильсон был одним из самых непримиримых противников ирландской свободы. Заняв пост военного советника при ольстерском правительстве, он стал энергично укреплять в шести северных графствах полицейские силы, которые к лету насчитывали около 50 тыс. человек. Северная Ирландия содержала столько полиции, сколько было на всем острове в 1914 г., хотя и тогда Ирландия считалась страной, в которой полиции было больше, чем где-либо в Европе. Для борьбы с так называемыми террористами было создано несколько «специальных» мобильных полицейских частей «Б-спецнал». Вся общественная система Ольстера находилась под неусыпным полицейским надзором. Кроме того, в Белфасте, а также на границе с доминионом стояли регулярные английские войска.

Террор против католического населения, большинство которого сочувствовало республиканцам, стал обычным явлением. Ночь на 21 марта 1922 г. в Белфасте напоминала «Варфоломеевскую ночь», с той лишь разницей, что католики и протестанты поменялись ролями. В разных частях города «специальные» отряды полицейских на мотоциклах устроили настоящую охоту на людей. На улице Остин Роуд полицейские ворвались в дом банковского служащего Мак-Магона, заподозренного в связях с республиканцами. Мак-Магон и его семья, состоявшая из семи человек, включая двоих грудных детей, были убиты, а дом сожжен. Во время другой облавы погромщики окружили госпиталь, переполненный ранеными католиками. Среди раненых было около 50 детей. Полицейские разбили стекла, выломали двери и стали стрелять внутрь здания из винтовок и револьверов. После этого побоища в госпитале уже некого было лечить.

Если в Северной Ирландии реакция чувствовала себя прочно, то положение на юге вызывало в Лондоне сильное беспокойство, ибо здесь ширилось и принимало все более организованный характер движение народных низов. «Во многих районах Южной Ирландии,— говорил в палате общин консерватор Джон Батлер,— сейчас, как и раньше, организуются стачки неплатежа рент; грабители (трудовые низы ирландской деревни.— Л. К.) силой захватывают и удерживают за собой земли. Закон восстановить фактически невозможно»¹⁹. В городах ширилась волна забастовок, которые нередко кончались захватами предприятий рабочими. Против Временного правительства все активнее действовали отдельные отряды республиканской армии. Они силой оружия оспаривали у войск доминиона выгодные стратегические позиции. По ночам на улицах городов и деревень слышалась стрельба, горели дома, лилась кровь. В марте и апреле жаркие схватки произошли в Корке, Лимерике, Клонмеле и других городах. В апреле в вооруженных столкновениях с обеих сторон было убито 9 и ранено 59 человек²⁰.

Действия ИРА и рабочих не были непосредственно связаны между собой. Тем не менее официальный документ Временного правительства отмечал, что бригады республиканцев пополняются за счет волонтеров, которые в войне за независимость участия не принимали и которые, вступив в ИРА уже после перемирия, «стали большими республиканцами, чем сами республиканцы»²¹. Это косвенным образом свидетельствовало о том, что в ИРА вступало все больше представителей трудящихся низов, с оружием в руках защищавших революционные завоевания республики.

Судьба нового режима в Южной Ирландии вызывала нескрываемую озабоченность у членов английского кабинета. «Думаете ли Вы, что правительство (Свободного государства.— Л. К.) способно к борьбе? Захочет ли кто-либо умирать за него?»²² — с

¹⁸ R. Teylor. Assassination. The Death of Sir Genry Wilson and the Tragedy of Ireland. L. 1961, p. 32.

¹⁹ «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 150, col. 1194.

²⁰ F. O'Donoghue. No Other Law. Dublin. 1954, p. 230.

²¹ E. Neeson. The Civil War in Ireland 1921—1923. Cork. 1965, p. 52.

²² У. Черчилль. Указ. соч., стр. 218.

тревогой писал У. Черчилль находившемуся в Ирландии помощнику государственного секретаря по иностранным делам Альфреду Коупу.

14 апреля отряд республиканцев под командованием Рори О'Коннора, одного из членов Исполкома ИРА, Педэра О'Доннела, и Лайма Меллоуза захватил здание «Четырех судов» на набережной Лиффи, в самом центре Дублина, а также несколько домов на О'Коннелл-стрит. Первое стало штаб-квартирой республиканцев. Двери и окна его нижних этажей были заложены мешками с песком, а в амбразурах установлены пулеметы. Отсюда республиканское руководство координировало действия всех защитников республики.

3. Первые раскаты грома

К апрелю 1922 г. обстановка в Ирландии накалилась до предела. В стране образовались две противостоявшие друг другу военно-политические группировки: с одной стороны, Временное правительство доминиона с его наскоро созданным государственным аппаратом, армией и полицией, с другой — Исполком республиканской армии, опиравшийся на подразделения ИРА, оставшиеся верными республике. Сторонников правительства именовали «фрестейтерами»²³, а республиканцев — «иррегулярными», или «красными», из-за их левых политических убеждений. Ирландия стояла на пороге гражданской войны, а это было на руку английским властям. О планах британского правительства в отношении Ирландии откровенно заявил в палате лордов лорд Биркенхед: «Я предпочитаю, чтобы эту задачу («успокоения» Ирландии.— Л. К.) выполнили они (Временное правительство.— Л. К.), а не мы, и верю, что в случае успешного выполнения задачи ими, а не нами, будут сэкономлены жизни англичан»²⁴.

Однако карты английских политиков едва не были спутаны новыми событиями в Ольстере, где в конце апреля — начале мая поромы, направленные против католического населения, достигли невиданных ранее размеров. Временное правительство, чтобы не растерять свой политический престиж, не могло больше игнорировать эти факты. Коллинз встретился с Де Валера, и они пришли к соглашению о совместных действиях против Белфаста. 20 мая это соглашение было дополнено так называемым «Панельным пактом», касавшимся предстоящих 16 июля выборов в Доил. Согласно пакту, сторонники договора и республиканцы должны были после выборов образовать кабинет министров на паритетных началах, включив в него Де Валера и представителя Исполкома ИРА. Но предвыборный союз, заключенный на таких условиях, не обещал быть долговечным. К тому же британская дипломатия приложила немало усилий, чтобы помешать его осуществлению. Черчилль вызвал Коллинза в Лондон для объяснения по поводу этого акта. Коллинз попытался убедить его в том, что, делая такой шаг, Временное правительство хочет консолидировать силы «Шин-фейна» перед лицом надвигающейся социальной революции, не допустив объединения наиболее левых элементов ИРА с революционным пролетариатом и крестьянством. Он откровенно признавался Черчиллю, что Временное правительство не в силах гарантировать своим гражданам безопасность «жизни и собственности», если к «активному и пылкому республиканскому меньшинству» присоединится «большое число обычных негодяев и разбойников (в терминологии Коллинза — революционные рабочие и крестьяне.— Л. К.), которые грабят и убивают... под прикрытием лозунга республики»²⁵.

Но английское правительство более всего опасалось как раз ослабления борьбы в лагере «Шин-фейна», ибо полагало, что гражданская война, в которой на стороне Временного правительства будет мощная поддержка Англии, сразу разрешит и политический и социальный вопросы, уничтожив всякую оппозицию режиму Ирландского Свободного Государства. Под нажимом Лондона правительство Коллинза отказалось от военного похода на Белфаст и разорвало предвыборное соглашение с республиканцами. После этого исход предстоящих выборов зависел от позиции лейбористской партии и конгресса тред-юнионов. Лейбористская партия и профсоюзы в Ирландии были внушительной силой и насчитывали в своем составе к лету 1922 г. около 300 тыс. членов.

²³ От слов «Free State» (свободное государство).

²⁴ А. Д. Колпакоев. Ирландия — остров мятежный, стр. 72.

²⁵ У. Черчилль. Указ. соч., стр. 228.

Рабочий класс Ирландии во время национальной войны вносил значительную лепту в борьбу с английским империализмом и вкладывал в эту борьбу свое содержание, связывая с победой над чужеземными захватчиками, помимо всего прочего, еще и надежды на ликвидацию нищеты и безработицы. Однако руководство лейбористов во главе с бывшим британским профсоюзным чиновником Томасом Джонстоном отказалось от защиты интересов трудящихся и фактически блокировалось с реакционным Временным правительством. «Мы держались в стороне от агитации по этому вопросу (о безработице.— Л. К.), считая, что этого требуют обстоятельства»²⁶,— признался впоследствии Томас Джонстон. И это говорилось в то время, когда рабочие в полной мере испытывали на себе последствия депрессии, поразившей в начале 20-х годов английскую экономику; когда дублинские трущобы, приобретшие печальную известность далеко за пределами Ирландии, были переполнены бедняками, давно отчаявшимися найти работу; когда, даже по официальным, явно заниженным данным, стоимость жизни в Ирландии по сравнению с 1914 г. возросла на 85%²⁷.

Накануне выборов Национальный исполком лейбористской партии обратился к рабочим с призывом: «Не позволяйте втянуть себя в какой-либо из противоположных лагерей». Стремление встать как бы над приближающимся конфликтом выразилось в предвыборном лозунге лейбористов: «Чума на оба ваши дома». Однако на деле решение лейбористского руководства занять на предстоявших выборах самостоятельную политическую платформу играло лишь на руку реакции, которая готовила почву для установления жесткой военной диктатуры.

Только ирландские коммунисты вели последовательную борьбу против голода и безработицы, в защиту республики. Зимой 1922 г. «Worker's Republic» развернула широкую кампанию против наступления предпринимателей на жизненный уровень трудящихся. Газета активно доказывала необходимость сближения политических требований республиканцев с классовой борьбой народных масс. Деятельность коммунистов вызвала беспокойство у Временного правительства. Новый правительственный офицер «Free State» с тревогой отмечал, что коммунисты рассчитывают на отклонение договора с Англией, чтобы создать «благоприятные условия для достижения тех социальных идеалов, к которым они стремятся»²⁸. Однако малочисленность ирландских коммунистов, их организационная и тактическая слабость мешали им добиться сколь-нибудь существенного перелома в ходе событий и повлиять на исход предвыборной кампании.

15 июня 1922 г. в Ирландии был обнародован текст новой конституции. Вопреки обычной конституционной практике она была опубликована лишь накануне выборов, а не за какое-то время до них. Этот маневр был предпринят для того, чтобы поставить ирландский народ перед свершившимся фактом и заставить его голосовать за конституцию без всякого ее обсуждения. Между тем эта конституция подтверждала, что Ирландия стала английским доминионом. 6 декабря конституция должна была вступить в силу.

Ирландские крупные торговцы и предприниматели, владельцы скотоводческих ранчо, торговые палаты и кулацкие кооперативы, католическая церковь и реакционная пресса сделали все, чтобы предрешить исход выборов. На границах Ольстера в это время появились отборные английские войска. Семь тысяч солдат генерала Макреди стояли наготове в Феникс-парке, а английские орудия взяли Дублин под свой прицел.

Выборы состоялись 16 июня. Их результаты были неблагоприятны для республиканцев. Сторонники Временного правительства получили в новом Доyle 58 мест, республиканцы — 36, лейбористы — 17. В самом Дублине республиканцы имели в семь раз меньше голосов, чем правые. Успех способствовал республиканским кандидатам только среди мелких фермеров юга страны. Оценивая результаты выборов в Ирландии, ленинская «Правда» характеризовала их как «победу английского империализма»²⁹.

²⁶ D. Clarkson. Labour and Nationalism in Ireland. N. Y. 1925, p. 448.

²⁷ «Ministry of Economic Affairs. Report on the Cost of Living in Ireland». Dublin. 1922, p. 18.

²⁸ Цит. по: «Worker's Republic», 6.V.1922.

²⁹ «Правда», 28.VI.1922.

Получив большинство в Дойле, правые готовились с помощью своих британских покровителей нанести решительный удар по политическим противникам. Неожиданные события ускорили приближение развязки. 22 июня в Лондоне, на Итон-Плэйс, на пороге своего дома был убит отставной фельдмаршал Генри Вильсон. В него стреляли два волонтера ИРА — Реджинальд Данн и Джозеф О'Сюлливан. Схваченные полицией, ирландские патриоты заявили, что убили Вильсона, организатора кровавых погромов в Северной Ирландии, по собственной инициативе. Имя этого экс-фельдмаршала стало в Ирландии олицетворением оранжистского террора. Это он помог набрать и обучить в Ольстере банды террористов в полицейских мундирах; по его вине за последние месяцы было убито около 500 ирландцев, в том числе женщины и дети, и около двух тысяч ранено. Вильсон виноват в том, что девять тысяч человек были уволены с работы и более двух тысяч лишились крова; что прибрежные города Англии и Северной Франции были полны ирландских беженцев. «Вы можете осудить нас сегодня на смерть,— сказал в заявлении для суда Данн,— но вы не сможете заставить нас отказаться от убеждения, что все то, что мы сделали, было необходимо, чтобы сохранить жизни, жилища и благополучие наших соотечественников в Ирландии. Вы можете вашим решением признать нас виновными, но мы пойдем на виселицу с сознанием того, что наша совесть чиста»³⁰.

На другой день после покушения на Вильсона О'Коннор заявил в Дублине корреспондентам газет, что республиканская штаб-квартира не имела никакого отношения к этому акту. Но английские власти не преминули воспользоваться данным случаем в качестве предлога, чтобы подтолкнуть правительство Свободного государства к развертыванию белого террора в Ирландии. 24 июня Черчилль выступил в палате общин с речью, которую общественность расценила как прямой ультиматум Ирландии. Он в резкой форме потребовал от Временного правительства ликвидировать «гнездо анархии и измены» в здании Дублинского суда; откуда, по его словам, «организуются и поощряются убийства... по другую сторону пролива...», и угрожал в противном случае военными санкциями³¹. Комментируя это заявление, английский историк Э. Тэйлор признает, что «гражданская война в Ирландии началась по приказу англичан»³².

Тем временем английские войска, дислоцировавшиеся в Ирландии, были приведены в боевую готовность. Многих в те дни беспокоила мысль, хватит ли у Временного правительства решимости развязать гражданскую войну, чтобы убивать бывших товарищей по борьбе в угоду вековому врагу Ирландии? Об этом думали и в Лондоне. Однако политический курс нового режима в Ирландии, вся деятельность вновь созданных государственных органов, армии, полиции были направлены на развязывание гражданской войны. Логика защиты интересов ирландских собственников круговой порукой связывала Временное правительство с угнетателями своего народа. Подписав договор и сделав первый шаг навстречу домогательствам Англии, Гриффитс и Коллинз уже не могли повернуть назад. Теперь от них требовали нового, решающего шага. И они готовы были его сделать. По свидетельству историка, Временное правительство еще за несколько недель до трагической развязки приняло решение атаковать республиканские силы в здании «Четырех судов»³³. 26 июня генерал Макреди передал в распоряжение Коллинза несколько шестидюймовых орудий, которые были установлены на другом берегу Лиффи, против штаб-квартиры республиканцев. Орудийная прислуга была ирландской, но здесь же присутствовали британские советники. Войска Временного правительства заняли исходные позиции для атаки.

В то время как реакция готовилась перейти в наступление, в лагере республиканцев продолжались разногласия. О'Коннор и Меллоуз требовали, чтобы ИРА предприняла решительные действия против нового правительства, узурпировавшего власть и предавшего республиканские идеалы. Де Валера и ряд других высших офицеров продолжали поиски мирного решения конфликта. Разногласия обострились настолько, что О'Коннор запретил охране впускать Де Валера в здание «Четырех судов». И все это происходило тогда, когда в воздухе явно запахло порохом.

³⁰ R. Teylor. Op. cit., pp. 162—163.

³¹ У. Черчилль. Указ. соч., стр. 233 — 234.

³² A. J. Teylor. English History 1914—1945. Oxford. 1965, p. 188.

³³ E. Neeson. Op. cit., p. 66.

Вечером 27 июня Временное правительство направило О'Коннору ультиматум с требованием до четырех часов ночи сложить оружие. Ответа не последовало... Раннее утро 28 июня было в Дублине пасмурным и хмурым. То и дело начинал моросить мелкий дождь, и контуры зданий по берегам мутной Лиффи были едва различимы сквозь мрачную пелену. Город спал, и на пустынной О'Коннел-стрит рядом с устремленной в высоту серой, как каменный пик, колонной адмирала Нельсона почти не было прохожих. Внезапно утреннюю тишину нарушил мерный топот солдатских ботинок и лягз оружия. Проснувшиеся горожане с тревогой выглядывали в окна и видели на улице колонны солдат в зеленой униформе с винтовками на плечах. Тускло блестели штыки, слышались отрывистые слова команды. Позади солдат, освещая путь желтыми фарами, медленно двигались броневые автомобили и грузовики с пулеметами. Войска направлялись из военных казарм Беггарс Буш на южной окраине Дублина к центру города, туда, где на берегу Лиффи недалеко от моста О'Коннел Бридж, возвышаясь на 50 футов над всеми окружающими домами, поднималось величественное здание «Четырех судов» — архитектурный шедевр зодчего Томаса Кули, построенный в 70-х годах XVIII века. В 3 часа 50 минут тишину разорвал грохот первого орудийного залпа: это правительственная артиллерия открыла огонь по зданию «Четырех судов». Начался последний, самый жестокий и кровопролитный акт затянувшейся «ирландской драмы» — гражданская война.

Здание «Четырех судов» защищал отряд республиканцев численностью в 180 человек. Здесь же были и 20 членов Исполкома ИРА, в том числе О'Коннор и Меллоуз. Остальные очаги сопротивления республиканцев находились на О'Коннел-стрит. Сюда пришел Де Валера, который заявил, что в трудную минуту он не покинет своих товарищей по борьбе. Между тем войска Временного правительства отрезали Дублин от других районов страны. 29 июня из города смог выбраться только начальник штаба ИРА Лайм Линч, который направился в Манстер за подкреплениями. Однако ему не удалось вовремя оказать помощь республиканцам в Дублине. Разбившись на небольшие отряды, они героически сопротивлялись больше недели.

Основной удар фристейтеров был направлен на здание «Четырех судов». Прочные стены выдерживали удары снарядов. По нескольку раз в день фристейтеры под прикрытием броневиков поднимались в атаку, но республиканцы, даже не имея тяжелого вооружения, всякий раз встречали их ружейно-пулеметным огнем и гранатами. Положение республиканского гарнизона ухудшалось с каждым часом. На второй день боев средняя часть здания была разрушена, крыша рухнула, начался пожар. Многие волонтеры были убиты. Быстро накопился ранеными госпиталь, развернутый в одном из подвалов. Им руководила сестра милосердия Джеральдина О'Доннел. Вскоре пожар охватил здание. В огне погибли бесценные коллекции гэльских рукописей, собранных в размещенном здесь музее. Сгорели библиотека и архивы, также содержавшие много ценных исторических документов. Вечером 29 июня республиканцы покинули горящую центральную часть дома и переместились в его северное крыло. 30 июня бой кипел уже внутри здания. Фристейтеры попытались проникнуть в среднюю часть дома, но в этот момент от пожара взорвался расположенный здесь склад боеприпасов. Сила взрыва была такова, что на несколько километров вокруг в окнах домов вылетели стекла, а над зданием «Четырех судов» поднялся столб дыма высотой в 120 метров. На близлежащие улицы обрушился град обломков. Около 50 фристейтеров было ранено, многие убиты. Бой продолжался. О'Коннор и Меллоуз надеялись, что в Дублине начнется восстание в поддержку республики. Но их надежды не оправдались. Скоро положение героического гарнизона стало безнадежным. К вечеру 30 июня республиканцы выбросили белый флаг и вышли из горящего здания, вынося раненых и убитых. В плен сдались около 100 человек, в том числе О'Коннор и Меллоуз.

После захвата республиканской штаб-квартиры войска Временного правительства устроили налеты на дома политических деятелей, оппозиционно настроенных по отношению к новому режиму. Солдаты ворвались и в дом бывшего президента республики, но Де Валера был в это время на О'Коннел-стрит, где продолжали сражаться республиканские отряды. Де Валера по-прежнему считал, что только англичане виноваты в этой гражданской войне. Орудия фристейтеров теперь обстреливали О'Коннел-стрит. Повсюду полыхали пожары. Под натиском превосходящих сил противника республиканцы сдавали одну позицию за другой. 2 июля Де Валера и несколько других офицеров

с главными силами сумели выйти из города. Их отход прикрывал Катал Бругга, который с 17 волонтерами остался в гостинице «Хаммар Хоутел». Эта позиция была последним оплотом республиканцев в Дублине.

Фристейтеры много часов подряд обстреливали горящую гостиницу из орудий и тяжелых пулеметов. Они, как когда-то «Чернопегие», стреляли разрывными пулями «дум-дум», запрещенными международной конвенцией. Однако Бругга не сдавался. Ряд атак фристейтеров был отбит с большими для них потерями. В бою погибли несколько высших чинов Гражданской гвардии Дублина. 5 июля этот дом был полностью окружен, и фристейтеры, подобравшись к окнам здания, стали кидать в них банки с бензином. Охваченное огнем, здание вот-вот должно было рухнуть. Сопротивление стало бессмысленным, и Бругга приказал сложить оружие. Оглушенные и обожженные волонтеры стали выбираться на улицу. Здесь их плотным кольцом окружили враги. Они искали Бруггу, но не нашли. Вдруг в черном проеме двери все увидели его невысокую фигуру в перепачканном копотью и кровью зеленом мундире генерала республиканской армии. В руках Бругга сжимал два револьвера. «Сдавайтесь! Сдавайтесь!» — услышал он. «Нет! — отвечал Бругга. — Нет, никогда!» Стреляя из обоих револьверов, он бросился на вражеских солдат и упал, срезанный пулеметной очередью. «Из всех наших политических вождей, — вспоминает один из старых республиканцев, — Бругга был самым бескомпромиссным, его девиз — все или ничего. Республика была его единственной любовью, единственной целью его жизни»³⁴.

Во время сражения в Дублине десятки убитых и сотни раненых остались на улицах. Лучшие здания лежали в развалинах. Такого кровопролития древняя столица Ирландии не переживала со времен «Красной пасхи». «Между друзьями и врагами был теперь проведен прочный водораздел, и борцы почувствовали смертельную ненависть друг к другу»³⁵, — с удовлетворением писал о событиях в Ирландии У. Черчилль. По его мнению, в результате гражданской войны между настоящим новых ирландских лидеров и их революционным прошлым должна была лечь непреодолимая пропасть. И этот расчет оказался верным. События 1922 г. оставили на теле Ирландии такую глубокую рану, которая не зарубцевалась до наших дней.

4. Огонь и пепел

После трагических событий в Дублине генерал фристейтеров О'Даффи заявил, что с революцией в стране покончено. Но это заявление оказалось слишком поспешным. Попытка одним ударом подавить вооруженную оппозицию договору не удалась. Уже в начале июля гражданская война охватила юг страны. Республиканские части перешли в наступление. Почти весь Манстер был в их руках. Столкнувшись с перспективой затяжной войны, Временное правительство приняло энергичные меры для мобилизации своих сил. 6 июля оно призвало население к оружию и объявило массовый набор в новую армию. Демобилизованные после подписания договора «Чернопегие» вновь возвращались в Ирландию, уже на службу правительству доминиона. Ежедневно в новую армию записывалось несколько сот человек. По свидетельству современника, в некоторых районах страны «основной контингент старых солдат ИРА (оставшихся верными Временному правительству после раскола в армии. — Л. К.) совершенно растворился в потоке наемников»³⁶. В народе солдаты армии доминиона получили название «зелено-рыжие» за смешение зеленой формы бывших солдат ИРА и английских мундиров цвета хаки. Численность правительственной армии вскоре достигла 60 тыс. человек. Английское правительство вооружило ее новейшей военной техникой, включая бронев автомобили, гаубицы и даже самолеты. Англичане часто оказывали и прямую помощь войскам доминиона. Их флот блокировал ирландское побережье. 28 июня английский миноносец перехватил у западных берегов Ирландии американское судно с грузом оружия, закупленного республиканцами в США. Англичане взяли на себя также охрану линий телефонной связи между Ирландией и Англией.

³⁴ R. Briscoe. For the Life of Me. Boston—Toronto. 1958, p. 70.

³⁵ У. Черчилль. Указ. соч., стр. 236.

³⁶ F. O'Donoghue. Op. cit., p. 261.

Летом 1922 г. слово «война» прочно вошло в повседневную жизнь Ирландии. Жестокие бои шли вокруг крупных городов Манстера, занятых республиканцами. Войска Свободного государства, оснащенные артиллерией и броневиками, штурмом брали один город за другим, жестоко подавляя всякое сопротивление. Очевидец артиллерийского обстрела г. Уотерфорда рассказывал: «Город выглядел, как дымящаяся гряда шлака. Над ним висели огромные клубы дыма, видимые на много миль вокруг, сквозь которые время от времени прорывались тусклые языки пламени»³⁷.

Силы воюющих сторон были слишком неравны. К тому же сразу вскрылись серьезные недостатки, снижавшие боеспособность республиканской армии. Военная дисциплина в ее частях была слабой, отсутствовало единое руководство, каждый командир действовал на свой страх и риск. В середине августа в район «столицы Республики Манстер» Корка, крупнейшего оплота республиканцев на юге Ирландии, был высажен сильный морской десант правительственных войск. Действия десанта были поддержаны атакой армии доминиона с севера. Республиканские части оставили Корк и отошли в труднодоступные горные районы Манстера.

ИРА оказалась не в силах противостоять в полевых сражениях хорошо вооруженной и обученной армии Ирландского Свободного Государства. Де Валера считал дальнейшее сопротивление бессмысленным, предлагал сложить оружие и продолжать борьбу политическими методами. Однако его точка зрения не нашла поддержки среди республиканских офицеров. Непримируемая позиция Временного правительства, его желание во что бы то ни стало сокрушить республику железным кулаком диктатуры убедили даже тех республиканцев, кто еще колебался, в необходимости продолжения вооруженного сопротивления режиму договора. Руководство всеми вооруженными операциями ИРА взял теперь на себя Лайм Линч, который, по словам его биографа, «не хотел и не мог больше созерцать, как режим договора сокрушает всякое вооруженное сопротивление своей власти»³⁸. Республиканцы перешли к партизанским методам ведения войны, надеясь, что новая тактика принесет им такой же успех, как в недалеком прошлом в борьбе с английской оккупационной армией. Вооруженные столкновения развернулись на территории 21 графства. ИРА только за два первых месяца войны совершила 467 нападений на войска доминиона³⁹. За это время правительственные войска потеряли, по неполным данным, 140 человек убитыми и 515 ранеными⁴⁰.

Однако республиканское военное руководство не учло того главного обстоятельства, что успех всякой партизанской войны зависит от сочувствия и поддержки населения. Именно в помощи народных масс бойцы ИРА черпали силы в борьбе с английскими карателями. Но можно ли было рассчитывать на поддержку народа теперь, когда он устал от непрерывной многолетней войны и был измучен экономическими неурядицами, голодом и безработицей? Агитации правых, обещавших народу стабилизацию хозяйства, развитие деловой активности и прекращение безработицы, нужно было противопоставить широкую программу не только политических, но и социально-экономических преобразований, которая могла бы привлечь народные массы и способствовать дальнейшему углублению революции. Однако республиканцы такой программы выдвигать не хотели. Напротив, они постоянно подчеркивали свои «чисто политические» устремления, то есть желали ограничиться лишь борьбой за республику.

К тому же в 1922 г. народные массы еще не могли отчетливо разглядеть сущность нового режима Свободного государства. Многие были обмануты трескучими фразами реакционных лидеров о том, что они хотят разрешить все национальные проблемы, но не могут этого сделать из-за гражданской войны. Лейбористская партия связывала всякий прогресс в улучшении положения рабочего класса с деятельностью правительства Ирландского Свободного Государства. В представлении лейбористских руководителей правительство Свободного государства было чуть ли не надклассовым органом, призванным ликвидировать национальный кризис и установить классовую гармонию в стране, «заботясь» о благе каждого гражданина, независимо от его общественного положения. Они не желали видеть классовый характер нового режима — верного защитника интересов денежного мешка. Между тем тяготы экономи-

³⁷ E. Neeson. Op. cit., p. 102.

³⁸ F. O'Donoghue. Op. cit., p. 267.

³⁹ Ibid., p. 268.

⁴⁰ «Worker's Republic», 21.X.1922.

ческих трудностей целиком ложились на плечи трудящихся и мало отражались на доходах предпринимателей, банкиров, крупных владельцев недвижимости.

Ирландия задыхалась в тисках голода и разрухи, а правление одного из крупнейших англо-ирландских банков, «Хэйбеджин Бэнк Лимитэйд», заявило, что никогда еще дела банка не шли так хорошо. Егс чистая прибыль составила к лету 1922 г. свыше 800 тыс. фунтов стерлингов⁴¹. Рэнчеры, не считаясь с нависшей над Ирландией угрозой голода, продолжали выгодно продавать скот в Англию. В 1922 г. они сбыли 984 тыс. голов скота, или на 236 тыс. больше, чем в предыдущем⁴². Был доволен и «пивной король» Ирландии Гиннес. Записав в том году на банковский счет своей фирмы более двух миллионов фунтов стерлингов чистой прибыли, он уехал на итальянские курорты. Перед фешенебельным «Шелбурн Хоутел» в Дублине, где раньше развлекались офицеры оккупационной армии, теперь стояли добротные брички и дорогие автомобили разбогатевших на земельных спекуляциях новоявленных нуворишей, преуспевающих скотоводов и гомбименов, крупных государственных чиновников и высокопоставленных чинов военного аппарата вновь сформированной армии. Именно их интересы защищал штыками и пушками новый дублинский режим. Но лейбористские лидеры не желали этого замечать.

Только ирландские марксисты сумели правильно оценить основное требование момента, состоявшее в том, чтобы наглядно показать, кто — друг республики, а кто — ее враг. В начале августа они опубликовали свою социальную программу, советуя Исполкому ИРА провозгласить ее программой республиканской партии. Коммунисты Ирландии предлагали: незамедлительно национализировать крупные промышленные предприятия, железнодорожный и водный транспорт, а также местные и иностранные банки; безвозмездно конфисковать землю и имущество крупных рэнчеров и наделить землей малоземельных фермеров и сельскохозяйственных рабочих; ликвидировать все долги неимущих как частным собственникам, так и государству; ввести обязательный восьмичасовой рабочий день и образовать комитеты из представителей рабочих, администрации и профсоюзного руководства, призванные осуществлять контроль за условиями труда; взять под контроль государства коммунальное хозяйство в городах — снабжение электроэнергией, водоснабжение, транспорт и т. п. и сделать все это более доступным для трудящихся; принудительно перераспределить всю наличную жилую площадь и ликвидировать земельную ренту; взять безработных на государственное содержание; вооружить трудящихся города и деревни для защиты своих прав⁴³. Программа ирландских марксистов могла стать действенным оружием в руках республиканцев в деле объединения всех сил, настроенных оппозиционно к договору. Удар республиканской армии, поддержанный аграрной войной и восстанием городского пролетариата, мог стереть с лица земли режим договора и утвердить в Ирландии демократическую республику. А для такого поворота событий имелись все условия, ибо в стране день ото дня все отчетливее проявлялись черты острейшего классового конфликта, который особенно широко охватил сельские районы.

В обстановке экономического и политического кризиса невиданные ранее масштабы приняла аграрная война. Многие века боролись свободолюбивые ирландцы за землю, которая по праву принадлежала им. Жестокий земельный голод обрекал крестьянина на вечную нужду и тяжелую подневольную работу на английского лендлорда или богатого соседа-рэнчера, а его сыновей и дочерей — на эмигрантскую долю. Рэнчер, как и лендлорд-англичанин, был старым недругом крестьянина. Крупные скотоводы скупали у лендлордов обширные участки самой плодородной земли, чтобы выгонять на них скот, и не оставляли своим малоземельным соседям никакой надежды на приобретение хотя бы крохотного дополнительного участка. «Для рэнчеров первое — быки, второе — люди. При этом рабочей силы требуется мало. Сразу же большая прибыль и никакого риска... Вот что такое иметь рэнч. А крестьяне прозябают в голоде и рабстве, мечтая о клочке земли, чтоб посеять хлеб. Вот что такое иметь рэнч. Стражники с ружьями и дубинками, полиция, вооруженная, как военные части, чтобы охотиться на крестьян, и солдаты, чтобы охранять священные границы поместий.

⁴¹ «Worker's Republic», 26.VIII.1922.

⁴² «Manchester Guardian Commercial», 26.IV.1923.

⁴³ «Worker's Republic», 12.VIII.1922.

Вот что такое иметь рэнч»⁴⁴,— так говорил о рэнчерах один из жителей глухой южной окраины Ирландии.

Особую ненависть вызывали у крестьян деревенские ростовщики-гомбимены, некоронованные короли сельских приходов. Лавка такого гомбимена была местом, куда стекались плоды труда многих поколений ирландских крестьян. Он доставлял в деревню товары широкого потребления, за которые крестьяне должны были втридорога платить ему, а взамен скупал по крайне низким ценам масло, мясо, яйца, рыбу, продукцию местных промыслов. Крестьяне были вечными должниками у лавочников и не смели даже требовать отчета о своих долгах, ибо такое требование приравнило бы в округе, где хозяйничал гомбимен, к «государственной измене». Если в семье сын или дочь покидали родину в поисках счастья, гомбимен под большие проценты оплачивал им проезд на эмигрантском корабле. Он ссужал крестьянам деньги на похороны родственников, на постройку жилья и другие самые различные крестьянские нужды и из всего стремился выжимать прибыль. Деревенские девушки получали у того же гомбимена шерсть и полотно для вязания и шитья. Они работали по 60—70 часов в неделю, а когда приносили назад готовые изделия, получали за свой труд несколько шиллингов, выплачиваемых, как правило, не деньгами, а долговыми расписками их родителей. По словам профессора дублинского университета «Тринити-колледж» Джозефа Джонстона, долго занимавшегося изучением жизни ирландских крестьян, система, созданная гомбименами, «была Молохом, в жертву которому приносились жизни, труд, здоровье, счастье и красота десятков тысяч людей различного возраста, оказавшихся под колесами его безжалостной колесницы»⁴⁵.

Тяжелой и безрадостной была жизнь ирландского крестьянина-труженика, обремененного непосильными налогами, выплачиваемыми английской короне и местным богатым, страдавшего от безземелья, голодавшего в неурожайные годы, изнемогавшего в борьбе с суровой природой на горных кряжах и заболоченных низменностях, где обычно располагалось его незатейливое хозяйство. Основными продуктами питания ирландского крестьянина оставались картофель и овес. «Люди всеми силами старались, чтобы выращенного картофеля хватило на год,— вспоминал один из современников,— однако часто случалось, что к марту или даже раньше картофеля оставалось только на весенний семенной запас. Поэтому за обедом мы ели овсяную кашу. Когда кончалась овсянка, ели отруби»⁴⁶.

В жизни ирландских крестьян, особенно обитавших в отдаленных западных районах острова, были еще очень заметны пережитки родовых обычаев. Те из мужчин, кто не эмигрировал в далекие страны и не уехал на заработки в Англию, помогали чем могли своим соседям, в доме у которых оставались только женщины, дети и старики. Когда наступало время жать овес и пшеницу, они обходили с косами соседей, помогая им собирать урожай. Соседи помогали друг другу копать торф, выносить удобрения на поля. На западе Ирландии землю удобряли торфом и морскими водорослями, которые крестьяне носили с побережья в корзинах или везли на деревянных волокушах, запряженных низкорослыми местными лошадами или осликами. Ирландские крестьяне «бедны, как церковные мыши, одеты в жалкие отрепья и стоят на самой низкой ступени развития, какая только возможна в полувиндизированной стране»⁴⁷,— писал еще в 1845 г. побывавший тогда в Ирландии Ф. Энгельс. К началу XX в. в их жизни мало что изменилось. «Граница между голоданием и бедностью во многих отношениях очень мало заметна, и очень редко уровень жизни (ирландских батраков и мелких фермеров.— Л. К.) приближается к уровню низших категорий сельскохозяйственных рабочих в Англии»⁴⁸,— писал посетивший Ирландию в 1923 г. английский журналист Генри Роуэл.

Гражданская война всколыхнула трудовые низы ирландской деревни, которые, по свидетельству современника, «хотели республики без лендлордов и рент». 1922 год навсегда вошел в сознание ирландского крестьянина как год великого земельного передела, сопровождавшегося кровопролитной борьбой за обладание землей своих пред-

⁴⁴ Дж. Фелан. ...И винтовками и дубинами. М. 1947, стр. 125.

⁴⁵ «Manchester Guardian Commercial», 15.III.1923.

⁴⁶ «The Irish Times», 2.IV.1968.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 492.

⁴⁸ «Manchester Guardian Commercial», 10.V.1923.

ков. Мелкие фермеры-арендаторы и безземельные батраки захватывали землю, имущество, скот как у английских собственников, так и у местных рэнчеров и гомбименов. Особенно широкий размах приняло это движение в западных и юго-западных графствах, где земельная проблема из-за более суровых природных условий стояла чрезвычайно остро. Страну охватили стачки неплатежа рент — действенное оружие в руках арендаторов. Крестьяне Донегола с 1919 г. вообще не вносили земельных платежей⁴⁹. Крестьяне графства Керри с 1920 г. по март 1923 г. недоплатили английскому казначейству 74 тыс. фунтов стерлингов⁵⁰. Бедняцкие низы ирландской деревни были главным источником пополнения ИРА. Поэтому в ходе военных действий против правительственных войск отряды республиканцев, нередко по собственной инициативе, громили богатые поместья и лавки ненавистных гомбименов, захватывали крупные стада скота, сжигали винокурные фабрики и маслобойни. Их владельцы попадали в руки революционных трибуналов республиканской армии. Возникшие во время национально-освободительной войны рабочие и крестьянские советы, в которых пользовались некоторым влиянием коммунисты, часто действовали в контакте с такими республиканскими отрядами. В городе Типперери рабоче-крестьянский совет, взявший в свои руки маслобойни фирмы «Кливз», долго удерживал их с помощью отряда республиканской армии. Когда правительственные войска заняли город, рабочие ушли вместе с республиканцами, а перед отступлением подожгли маслобойни и вывели из строя пожарные машины. К концу 1922 г. волна поджогов и разгромов имений охватила всю страну. Вымещая свою вековую ненависть к угнетателям, крестьяне выламывали дзери их домов, разбивали изразцовые камни, срывали со стен дорогие канделябры, бросали в грязь и топтали ногами ценные картины. Пресса сравнивала события в Ирландии со средневековой «французской Жакерией»⁵¹. Английские собственники в страхе покидали Ирландию. Только с 1 апреля по 11 июля 1922 г. из страны выехало 750 землевладельцев, причем 90% из них приходилось на Южную Ирландию⁵².

Напуганное размахом аграрного движения, Временное правительство прибегло к срочным мерам. Его тактика строилась с одной стороны, на беззастенчивой демагогии и обещаниях в самое ближайшее время наделить всех нуждающихся земельными участками через специально созданную Земельную комиссию, которая должна была скупать и «справедливо» распределять излишки земли, а с другой — на беспощадном терроре. Английская пресса, не оставлявшая своими советами дублинское правительство, считала, что «применение силы...— единственный аргумент, который понимают бунтовщики»⁵³. В этом новый режим был полностью согласен со своими британскими покровителями. Для борьбы с крестьянскими выступлениями в составе армии доминиона были созданы специальные «летучие колонны», оснащенные грузовиками и бронев автомобилями. Они жестоко расправлялись с участниками крестьянских выступлений, причем руководителей обычно расстреливали на месте, а у остальных крестьян отбирали скот и имущество и с молотка продавали его для возмещения убытка, причиненного землевладельцу.

5. Путь сквозь террор

К осени 1922 г. в Ирландии сложилась исключительно сложная обстановка. Экономическая жизнь была почти полностью парализована. Промышленные предприятия бездействовали. Города пустели. Толпы безработных устремились в деревню, чтобы хоть как-то прокормиться. Железные дороги были разрушены, и поезда с продовольствием опаздывали или совсем не приходили. Над страной нависла угроза голода, грозившая принять масштабы национальной катастрофы. «Когда я подсчитываю убитых соотечественников и вижу тот огромный хаос, к которому привела гражданская война, бедствия этой войны отзываются болью во всем моем существе. Кто бы мог подумать, что все наши надежды превратятся в прах»⁵⁴, — писал Лайм Линч.

⁴⁹ «The Irish Times», 4.IV.1968.

⁵⁰ «Manchester Guardian Commercial», 15.III.1923.

⁵¹ Ibid.

⁵² «Parliamentary Debates», Vol. 156, col. 1877.

⁵³ «Manchester Guardian Commercial», 15.III.1923.

⁵⁴ F. O'Donoghue. Op. cit., p. 269.

В такой обстановке в конце августа 1922 г. было создано новое правительство доминиона, что явилось вынужденным актом со стороны правящих кругов. В середине августа от кровоизлияния в мозг умер президент Артур Гриффитс. Через несколько дней вблизи города Макрум во время инспекционной поездки по частям правительственной армии попал в засаду Майкл Коллинз с сопровождавшим его конвоем. Во время короткого боя премьер доминиона был убит. Собравшийся вскоре после этих событий кабинет избрав главой правительства сорокатрехлетнего адвоката Уильяма Косгрейва, бывшего в правительстве Де Валера министром по делам местного самоуправления. По свидетельству историка, «все в этом маленьком, хилом человеке с белесыми, как бы выцветшими волосами и несколько искривленной шеей скорее напоминало исправного чиновника, чем политического вождя... Однако, когда он начинал говорить, в нем открывался совершенно иной человек — настойчивый и беспощадный; речь его звучала, как pistolетные выстрелы,— быстро, четко, отрывисто»⁵⁵. Правой рукой нового премьера стал министр юстиции Кевин О'Хиггинс, главный организатор репрессий против республиканцев.

На первых порах положение нового правительства было настолько непрочным, что его члены даже в Дублине не чувствовали себя в безопасности. Министры заседали в душных подвалах правительственной резиденции на О'Коннел-стрит, тут же спали, положив рядом винтовки, и не появлялись на улице без сильной охраны. Ночью они выходили подышать свежим воздухом на крышу здания. Однажды О'Хиггинс, стоя на краю крыши, неосторожно закурил. В ту же секунду из окна соседнего дома грянул выстрел, и пуля выбила из пальцев министра юстиции зажженную сигарету.

Деятели Временного правительства прибегли к беспощадному террору. Еще в первый месяц войны в тюрьмы и концлагеря было брошено около тысячи солдат и офицеров республики. Под тюрьму приспособили даже старое судно, стоявшее в Дублинском порту, которое горожане называли «плавучим гробом». Республиканцев пытали, морили голодом, убивали без суда и следствия. Фристейтеры старались уничтожить главным образом руководящие кадры Ирландской республиканской армии. В конце июля ими был захвачен и убит «при попытке к бегству» видный республиканский деятель, друг Де Валера Гарри Болланд. В ноябре в Дублине во дворе военных казарм Беггарс Буш был расстрелян руководитель отдела пропаганды ИРА Эрскин Чайлдерс. По национальности Чайлдерс был англичанином, но давно связал свою судьбу с ирландской революцией. Его национальная принадлежность всегда вызывала неистовую злобу у ирландских реакционеров, которые поддерживали контакты с английскими консерваторами, но считали этого «проклятого англичанина» своим смертельным врагом. Присутствовавший при расправе с Чайлдерсом Кевин О'Хиггинс цинично заявил: «Если англичане приезжают в Ирландию в поисках острых ощущений, мы постараемся, чтобы они их испытали»⁵⁶.

В Веллингтоновских военных казармах (Дублин) для пленных республиканцев была создана специальная камера пыток. одному из республиканцев, Джозефу Мак-Кларку, попавшему в эту камеру, удалось передать на волю письмо, в котором он рассказывал о том, что ему пришлось вытерпеть. В камере пыток его допрашивал офицер разведки правительственной армии Фрэнк Болстер и его подручный, бывший «чернопегий», Долан. «Они стали выкручивать мне руки, бить ногами, вырывать щипцами усы, резать бритвой, ножницами и другими острыми орудиями пыток... — писал Мак-Кларк. — Больше всего старался Долан, который целых полчаса мучил меня. Он пригрозил, что будет пытать меня раскаленным железом, если я ничего не скажу о своих товарищах. Потом он ударил меня по голове большой черной бутылкой, и я был бы убит, если бы не увернулся вовремя. Болстер сказал, что меня расстреляют... Все мои деньги, около 6 фунтов, нож и авторучку забрал себе Долан. Затем меня отвели в помещение охраны и втолкнули в небольшую камеру, где уже было семь человек. Нам не на чем было спать и нечем укрыться... Почти всех заключенных, как и меня, ночью подвергли мучительным пыткам. Один из них, Джон Лавлор, был так сильно избит, что его отвезли в госпиталь»⁵⁷. Тюрьмы Дублина Килмэнем и Маунтджой были переполнены до отказа. «Вре-

⁵⁵ А. Д. Колпаков, Ирландия — остров мятежный, стр. 79.

⁵⁶ У. Черчилль. Указ. соч., стр. 241.

⁵⁷ «Worker's Republic», 2.XII.1922.

менам люди в Маунтджое теряли рассудок при виде своих собственных тел, кишачих паразитами»⁵⁸, — вспоминал один из республиканских офицеров, ветеран гражданской войны.

Активизировали свою деятельность и военные трибуналы. Смертные приговоры следовали один за другим. К весне 1923 г. каратели уничтожили более 70 высших республиканских офицеров. Особенно отличился на этом поприще «усмиритель» графства Керри генерал Мэрфи. По его распоряжению 7 марта из концлагеря, расположенного недалеко от г. Трейли, девять республиканцев были доставлены в горное местечко Баллисиди-Кросс. Здесь в стороне от дороги их поставили в круг, предварительно привязав друг к другу общей веревкой, а в центре круга заложили мощный фугас, соединенный проводом с подрывной машинкой. Фристейтеры отошли в укрытие и по знаку офицера пустили ток. Мощный взрыв, подхваченный горным эхом, был слышен за много миль от Баллисиди-Кросс. Останки разорванных на куски людей разлетелись во все стороны и повисли на ветвях деревьев. Только один из девяти республиканцев, Стивэн Фуллер, чудом остался жив. Взрывная волна отшвырнула его на дно глубокого оврага. Враги решили, что все пленные погибли. Они собрали в девять заранее приготовленных гробов останки восьми республиканцев и вернулись в Трейли. На другой день в правительственной прессе появились сообщения о том, что группа военнопленных погибла от взрыва партизанской мины, разбирая завал на горной дороге. Однако Стивэн Фуллер, добравшийся после наступления темноты до ближайшей деревни, рассказал правду об этом преступлении. Скоро о нем узнала вся Ирландия. В тот же день подобная инсценировка «случайного» взрыва была устроена и в окрестностях городка Килларни, где погибло пять республиканцев. Двое из них были ранены и пытались бежать, но их добились пулеметными очередями. Власти и здесь распространили слухи, что пленные погибли в результате «несчастного случая». Но скрыть правду снова не удалось: обнаружился свидетель и этого преступления. 12 марта таким же способом были убиты 12 пленных близ г. Кахерсивен. Предварительно, чтобы никто из них не смог убежать, им прострелили ноги. Один из офицеров армии доминиона, лейтенант Маккарти, возмущенный зверствами, подал в отставку и опубликовал в демократической печати описание всех этих преступлений. Зверства фристейтеров вызвали такое возмущение у населения Керри, что командование армии доминиона вынуждено было 21 марта 1923 г. отдать приказ о том, чтобы сильные военные отряды сопровождали приговоренных к смерти республиканцев к месту казни.

Кровавые события в Ирландии были резко осуждены прогрессивной мировой общественностью. О многочисленных фактах империалистического террора в этой стране рассказал в Москве на IV конгрессе Коминтерна делегат ирландских коммунистов Р. Конноли. На конгрессе была принята специальная резолюция протеста против массового террора, развязанного правительством Ирландского Свободного Государства. В резолюции обращалось внимание на тот факт, что руководство лейбористской партии во главе с Томасом Джонстоном фактически поддерживает реакционную политику правительства Косгрейва. Коминтерн предупреждал ирландский рабочий класс, что эти действия означают прямое предательство его интересов. «Сокрушение республиканцев, — подчеркивалось в резолюции, — может привести лишь к образованию твердого империалистического террористического правительства, которое не остановится перед столь же грубым нападением на ирландский рабочий класс при первой же попытке его добиться власти или же простого улучшения своего положения»⁵⁹.

В результате жестоких репрессий и демагогических обещаний улучшить положение дел в стране правительство доминиона к концу 1922 г. стало брать верх над республиканцами. Поддержка ИРА со стороны народа, измученного, обескровленного войной, отчаявшегося получить землю и подлинную свободу, стала ослабевать. «Когда наши грузовики проезжали деревни, жители запирали двери домов»⁶⁰, — с горечью рассказывал видный республиканец, участник гражданской войны.

Спасти республику от гибели можно было, только объединив в один мощный поток национальную и социальную борьбу. К этому выводу пришел наиболее прозор-

⁵⁸ «The Irish Times», 3.IV.1969.

⁵⁹ «Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», № 32, М. 9.XII.1922.

⁶⁰ А. Д. Колпаков. Ирландия — остров мятежный, стр. 81.

ливый и последовательный республиканский лидер Меллоуз. Еще в сентябре он приехал в штаб ИРА из Маунтджойской тюрьмы, куда его заключили после июньских боев в Дублине, свое знаменитое послание. Он предлагал республиканским руководителям обратиться к народу с новой революционной программой, приняв за ее основу социальную программу ирландских коммунистов. Это означало, что нужно было раз и навсегда покончить с капитализмом на ирландской земле. «Пора поставить точки над *i*. Свободное государство — капитализм — индустриализм — Британская империя. Республика — рабочие, труд...»⁶¹. Но этот призыв остался без ответа. «Чистые республиканцы» не меньше, чем их противники из правительственного лагеря, боялись народной войны. Радикальные демократы левого крыла «Шин-фейна» считали, что республику следует добыть другим путем, не затрагивая основ религии и частной собственности. Оказавшись перед лицом социальной революции, республиканские лидеры обнаружили предел своей революционности и отказались возглавить революционную борьбу. Этим они обрекли республику на гибель.

«Опасный коммунист» Меллоуз и Рори О'Коннор были расстреляны в декабре 1922 года. «У меня мало времени, и я не успею сказать тебе многое из того, что хотел,— писал Меллоуз матери незадолго до казни.— Считаю себя недостойным величайшей человеческой почести, которой только может быть удостоен ирландец или ирландка, я иду вслед за Тоном, Эмметом, фениями..., Конноли, Пирсом..., Чайлдерсом... Мы умираем за правду. Отмщение придет, мгла рассеется, и братья по крови, как и прежде, будут братьями по оружию, сражающимися против угнетателей нашей страны»⁶².

Казнями, тюрьмами, концлагерями, камерами пыток ознаменовало начало своего существования Ирландское Свободное Государство, официальное провозглашение которого состоялось 6 декабря 1922 года. Над официальной резиденцией правительства на О'Коннел-стрит взвился оранжево-бело-зеленый флаг нового доминиона. 17 декабря того же года Южную Ирландию покинули последние британские войска. Они были больше не нужны. Дублинский режим доказал свою способность самостоятельно подавлять движение народных масс. Лорд Биркенхед, выступая в палате лордов, заметил по этому поводу, что Англии потребовалась бы двухсоттысячная армия для осуществления тех задач в Ирландии, которые за нее решило новое ирландское правительство⁶³.

Хотя отдельные отряды республиканской армии продолжали сопротивление до весны 1923 г., исход войны был предрешен. 10 апреля в неравном бою погиб Лайм Линч, а через две недели Де Валера отдал приказ прекратить военные действия. Однако, несмотря на поражение республиканцев, до глубокой осени не затихали аграрные волнения в южных и восточных графствах страны. К середине ноября в специальную комиссию, разбиравшую вопросы о компенсации английским землевладельцам за потерянное в период аграрных волнений имущество, было передано 2 120 исков, а общие убытки, по оценке английских экспертов, составили 3 070 500 фунтов стерлингов⁶⁴.

Опираясь на военную, экономическую и политическую поддержку со стороны английских властей, правительство Ирландского Свободного Государства сумело одержать победу над своими политическими противниками и временно подавить аграрное движение. В мае 1923 г. правительство издало новый земельный закон о наделении земельными участками арендаторов, которые их еще не выкупили. Государство расплачивалось за эти земли с лендлордами и передавало их мелким фермерам, причем выплаты по ежегодным платежам снижались на 25%. С помощью этого ловкого маневра правительству удалось снизить волну народного недовольства. Однако данный закон облегчил положение только мелкого фермерства, но ни в коей мере не батраков. Напротив, он изолировал батраков от мелкого фермерства, что содействовало затуханию аграрной войны.

Гражданская война в Ирландии 1922—1923 гг. закончилась поражением Ирландской республики и утверждением у власти реакционного Ирландского Свободного Государства — в то время надежного форпоста британского империализма на «Зеленом

⁶¹ «Worker's Republic», 30.IX.1922.

⁶² Цит. по: F. Gallagher. The Anglo-Irish Treaty. L. 1965, p. 192.

⁶³ E. Neeson. Op. cit., p. 175.

⁶⁴ «Parliamentary Debates». Vol. 168, col. 436.

острове». Революционно-демократический лагерь не смог объединить свои усилия, чтобы отстоять республику. Отказавшись возглавить широкое народное движение, левые шин-фейнеры пытались предотвратить дальнейшее углубление буржуазно-демократической революции, отстранить от создания нового государства народные массы. На этом пути их поражение было неизбежно. «Марш нации» был губительно заторможен. Революция 1916—1923 гг. осталась незавершенной.

Прошло почти полвека с тех пор, как в Ирландии отгремели последние выстрелы гражданской войны. Но «зеленый вулкан» не потух. В Эйре (Ирландской республике) шли и идут жаркие дискуссии о будущем страны. Ирландскую общественность возмущает политика подчинения национальных интересов иностранным монополиям. Она с горячим сочувствием следит за борьбой населения Ольстера за гражданские права, за ликвидацию позорной дискриминации католиков и отмену чрезвычайных законов времен гражданской войны 20-х годов. В наши дни лейбористские руководители Англии показали себя достойными преемниками злейших врагов ирландского народа Ллойд Джорджа, Черчилля, Биркенхеда, Г. Вильсона. С их благословения организована новая военная оккупация Ольстера, направленная на подавление борьбы наиболее эксплуатируемой и несправной части населения — католиков и беднейших слоев протестантов, объединившихся во имя достижения элементарных человеческих прав, когда-то отнятых у них британскими колонизаторами и их оранжистскими пособниками. Наследники традиций кровавых погромщиков и черносотенцев, узурпировавших в начале 20-х годов свободу Северной Ирландии, до сих пор не сложили оружия. Поэтому на собраниях и в печати все чаще высказывается мысль о назревшей необходимости создания самого широкого объединения всех подлинно республиканских, демократических сил, выступающих за единство страны, национальную независимость и социальный прогресс Ирландии. К этому призывают и за это настойчиво борются ирландские коммунисты.

Следуя славным традициям антиимпериалистической борьбы, Ирландская рабочая партия предлагает конструктивную программу национального развития. Партия выступает за объединение ирландских земель в рамках одного государства, за расторжение неравноправных торговых соглашений с Англией, дальнейшее развитие внутреннего рынка, установление дипломатических и торговых отношений со всеми странами, в том числе с социалистическими странами Европы, Азии и Латинской Америки, национализацию всех иностранных фирм и связанного с ними ирландского большого бизнеса, национализацию всех банков, страховых и финансовых компаний, оказание государственной помощи мелким фермерам, введение бесплатной системы здравоохранения, срочное решение жилищной проблемы, национализация строительной промышленности. Что касается внешней политики, то Ирландская рабочая партия предлагает курс независимости, нейтралитета и антиимпериализма, всесторонней поддержки борьбы колониальных и угнетенных народов во всем мире. В этой программе — залог будущего развития Ирландии и окончательного решения тех задач, которые не были решены до конца в грозном и героическом 1922 году.
